

«Бегство узника»

Латинская поэма «Бегство узника» стала известна с 1834 г., когда Якоб Гримм нашел ее в двух рукописях в Брюссельской библиотеке. Латинское ее заглавие звучит экзотично своими грецизмами: «Ecbasis captivi per tropologiam», приблизительно: «Исшествие плененного, описанное через аллегорию». Имя автора остается неизвестным, и датировка поэмы до сих пор является предметом споров.

Аллегорический смысл поэмы раскрывается в ее прологе. Монах, находящийся в монастырской темнице, по-видимому, за какую-то серьезную провинность, решает заслужить прощение, сочинив поэму о своей судьбе. Он изображает ее в повести о том, как в предпасхальную субботу 812 г. некий теленок бежал из родного хлева, чуть не погиб в пещере волка, но спасся благодаря своевременному приходу своих родителей, быка и коровы, с целым войском животных, во главе которых стоял лис, исконный враг волка. Поэма заканчивается освобождением теленка, казнью волка и несколькими стихами эпилога «от автора».

В поэме есть некоторые исторические и географические намеки на время и место ее создания. Исторические намеки, к сожалению, недостаточно ясны: упоминаются имена германских императоров Конрада и Генриха, но неясно, подразумеваются ли Конрад I (911—918) и Генрих I Птицелов (918—936) или Конрад II (1024—1039) и Генрих III (1039—1056). Ранние комментаторы поэмы (Фойгт и Царнке) придерживались первого мнения и поэтому относят поэму к X в., другие (Штреккер и Триллич) — второго мнения и датируют поэму серединой XI в. По-видимому, это мнение более исторически обоснованно: 1) Речь идет о предписанном Генрихом «замирении» и запрещении войны и убийств в праздничные дни, а этот факт известен относительно Генриха III; 2) Генрих III был еще при жизни Конрада II его соправителем и заместителем, что отражено в поэме в образе разумного, благородного и благочестивого барса, которого больной лев назначает своим соправителем; 3) упоминаются родовые наследственные замки феодалов, владение которыми закрепляется королевскими грамотами, что в X в. было еще неупотребительно.

Более надежны данные географические: местом действия являются пастбища и леса Вогез, а местом написания поэмы — монастырь св. Эвра в Туле возле Вогез («теленок» сам называет себя «безбородым юнцом, беглым монашком из Туля»). Упоминаются реки Маас и Мозель и их рыбные богатства и даже приток Рейна, ручей Рабадо. Автор поэмы — немец (в латинском языке встречаются германизмы), не симпатизирующий «западным франкам».

С чисто литературной точки зрения поэма «Бегство узника» интересна в двух отношениях: во-первых, она является первой дошедшей до нас литературной обработкой народного «животного» эпоса, впоследствии пышно расцветшего в XII—XIII вв. во фламандских, французских и немецких вариантах, переделках и обработках; во-вторых, в ней впервые употреблен — еще довольно неискусно — литературный прием так называемого рамочного повествования: в основную повесть (названную исследователями «внешней») вдвинут длинный рассказ волка о причинах его вражды с лисом, тянущейся уже в течение трех поколений («внутренняя» повесть). Ход распри изложен очень подробно, попутно рассказано об излечении больного короля-льва, о пире по поводу его выздоровления, о песнях менестрелей — соловья и попугая, о выборе соправителя; общим стержнем рассказа являются коварные замыслы лиса.

Целеустановка и тенденция поэмы не совсем ясны. В ней, несомненно, имеется момент сатиры, но неясно, против кого она направлена: против светского общества или против духовенства. Вернее всего, эта неясность происходит из контаминации «внешней» и «внутренней» повести. В истории злоключений теленка насмешкам и осуждению подвергается монах-волк, на словах отрекающийся от земных благ, на деле же собирающийся полакомиться телятиной и дающий своему сателлиту-ежу рецепты для ее изготовления. Во «внутренней» же повести (о пире у льва) подвергается критике придворное общество с его интригами жадных феодалов, со стремлением к роскошной жизни, безделью и обжорству. Попытки приурочить образы отдельных зверей к определенным историческим лицам не привели к надежным результатам.

Поэма написана довольно неуклюжим гексаметром с леонинской системой рифмовки, точному переводу не поддающейся. Имеется много стихов, целиком перенесенных из античных поэтов и христианских поэтов раннего средневековья.

В «эпilogе» автор говорит, что его поэма состоит из 1170 стихов, в обеих рукописях же число стихов больше — их 1224, т. е. лишних стихов 54 (ясно наличие интерполяции). Наиболее вероятно предложение Э. Фойгта считать интерполяцией песню менестрелей во «внутренней» повести (религиозную песню о распятии Христа, по содержанию не связанную с темой королевского пира, — ст. 852—905 — как раз дают 54 стиха). Менее вероятно предложение Триллича считать добавленным пролог: в нем 68 стихов и он органически связан с эпilogом.

БЕГСТВО УЗНИКА

(аллегория)

Если назад оглянусь и минувшие годы припомню,
Диву даюсь, до чего довела меня юная глупость.
Мыслям разумным был чужд, избегал я общения с братьей,
Занят был всяческим вздором, тонул в нелепых забавах.
Слово свое на уроках учитель тратил напрасно,
Я от ученья бежал и бродил, предаваясь безделью.
Вот за такой-то мой нрав меня прозвали «осленком».
Нынче ж хочу позабыть о грубом реве ослином,

С толстой дерюгой мешка хочу — хоть и поздно — расстаться.
 10 Чтобы усердным трудом победить привычную тупость,
 Взаяся стихи я слагать, хоть опыта в них не имею.
 Сон отгоняют они, и пить, и есть запрещают.
 То в затылке почешешь, то ногти упорно кусаешь.
 То ломаешь перо, от глубоких устав размышлений.
 Кто этим делом займется, пускай простится с бездельем,
 Бросит привычки свои, стремясь к стихам благозвучным.
 Люди найдутся, конечно, которые, видя ошибки
 В этих стихах, осудят меня по высоким законам.
 И, метнувши копье, мое творенье проколют.
 20 Есть ведь немало таких,— изучив стихов построенье,
 Ловко умеют они сплести изгибы напевов.
 Я же, стремясь уложить в размер установленный стопы,
 Очень уж слаб в различенье слогов, долготы их и счета.
 Их сочетать не могу, соблюдая времени меру,
 Лучше уж мне помолчать, прикусив свой язык неискусный.
 Можем мы всюду прочесть в сочинениях древних поэтов,
 Как населяют Камены луга, леса и потоки,
 Как и в размерах каких они свои песни слагают.
 Поступь легкая их скользит то туда, то обратно,
 30 Нас, неумелых, уча, чтоб не пачкали золото грязью,
 Чтоб не пытались стихом неуклюжим описывать небо
 Иль нашим словом бессильным могучие подвиги славить.
 Этим запретом смущен, я готов был вспять обратиться.
 Впрочем, при наших отцах такой соблюдался обычай:
 Пусть не посмеет никто говорить и писать о деяньях,
 Если не слышал о них достоверных надежных рассказов
 Или не видел того, что достойно памяти долгой;
 Верили только таким свидетелям, верным и крепким.
 Я ж свой рассказ поведу иначе — басенным складом,
 40 В тяжелой сознаюсь вине: эта повесть — вымысел чистый.
 Есть, однако, и в ней немало мыслей полезных.
 Кто ее вслух прочитает, получит хлеба ковригу.
 Верьте мне, пользы немного, а много вреда, если люди
 Станут писать об одном, одному отдавать свои силы.
 Пусть, кто в школе сидит, обучается разным наукам;
 Время ученья пройдет, и сам он учителем станет.
 Кто мою книгу прочтет, узнать, конечно, захочет,
 С целью какою я начал ее и зачем обработал.
 Чтобы на это ответить, я все расскажу по порядку.
 50 Днем я однажды сидел взаперти, как обычно бывало.
 Видно мне было, как много людей трудилось на поле,
 Как убирали пшеницу, ее ссыпая в амбары,
 Как со вниманьем глядели на пашни, на милые лозы,
 Как грузили в телеги запас урожая обильный,
 Не для монахов одних, хранящих тайны завета,
 Но в пропитанье сироткам, и странникам бедным, и нищим.

Все свой долг исполняли, полезное делая дело.
Был без дела лишь я, заключен в монастырской темнице.
Горькую душу мою терзала память о прошлом,
60 Жалобы я воссылал в высоту, к потокам воздушным;
Сердца печального горечь я сам врачевать попытался,
Жечь каленым железом, лечить целебною мазью.
Горько оплакивал я все то, чем тешился прежде.
Я сказать не умел, что таил я в уме молчаливом.
Был я как высохший ствол, огнем обугленный ярым,
Был я как жалкий теленок, рсмнем привязанный крепким.
Так же обуздан, как он, я был руками монахов.
Нити узорные в повесть сплетая, о нем расскажу я.

Лет восемьсот с Рождества истекло, и трижды четыре,
70 Месяц апрель наступил и пасхальное в нем полнолуние,
Жил в эту пору теленок — он вскормлен был возле Возага
(Можно об этом прочесть во всем том, что сказано раньше).
Этой весной, как всегда, овчары погнали отары
В поле; за ними свиней погнал свинопас неуклюжий;
Все старались они держать свое стадо в порядке;
Следом погнали коров пастухи и коней коневоды.
Все со вниманьем искали, где лучше выпас для стада.
Бедный теленок в хлеву оставался, за шею привязан.
Воли ему не дают, его сердце подавлено горем,
80 А что печальней всего, — он лишен материнской заботы:
Жалобно стонет, грустит и часто глубоко вздыхает,
Взор свой к небу подняв, Иисуса о помощи молит,
Слезы горькие льет, не одну, а две или двадцать,
Просит, чтоб сторож его отпустил, ремень развязавши,
Дал насладиться ему молоком из вымени сладким.
То он о воле мечтает, а то о напитке целебном,
Но не дают ему воли и к вымени путь закрывают.
Он замышляет побег, чтоб скорее свободы добиться,
Привязь свою он жует и сосет и — ремень разрывает.
90 Вырвавшись, скачет, ликуя, и нежным копытцем топчет,
Громко мычать он боится, бежит по цветущему лугу.
Полная воля теперь теленку дана молодому,
Может налево свернуть, а если захочет, направо,
Может на травке прилечь, а может побегать вприпрыжку.
Весело носится он, ожидая встречи со стадом.
Но наконец утомившись, в лесу он ищет защиты.
Вдруг пред теленком отшельник лесной; он гимн запева
Так, как поют пилигримы, из стран возвращаясь далеких.
«Благословен, о Христе, твой служитель! Он прислан тобою!
100 Господу жизнь он доверил — пусть сердцем своим возликует!
Мирный приют он найдет здесь, в этой обители, ночью,
Завтра же кровью своей освятит он трапезу нашу.
Кто умеет грешить, тот сумеет нести покаянье!»

И приглашает теленка хозяин в волчью пещеру,
В угол приводит его, вонючий, грязный и темный.
Волк ликует, что завтра он досыта сможет наесться;
Речь произносит, в которой слова все дышат любовью;
«Мне поведай, кто ты, почему навещать меня вздумал?»
Да, для меня ты, поверь, являешься гостем желанным.
110 Вышним хвалу вознеси! Ты станешь жителем леса,
Пищей ты восстановишь мое ослабевшее тело.
Третий уж месяц идет — не вкушал я сладкого мяса,
В кубке губ не мочил, наполненном свежую кровью.
В день, когда наша земля породила впервые животных,
Созданы были для нас бессловесные жирные твари,
Так положено в мире, и кровь эта богу угодна».

Вот что ответил теленок — он в речи своей запинался,
Детская робость ему сказать побольше мешала.

Теленок про себя:

«О Юпитер, ты можешь карать и миловать можешь!
120 Грех мой мраком покрой и тучей — мой дерзкий проступок!
Если останусь в живых, я вышним воздам благодарность:
Я на каждый алтарь тебе положу по козленку.

Теленок волку:

Долго я слушал тебя, но боюсь отвечать слишком длинно.
Я — безбородый юнец, я — беглый монашек из Туля.
Грех мой я сознаю, — я по юности лет заблуждался.
Сам во всем виноват — я учителю был непослушен,
Но поддался порыву и, сам разорвав мою привязь,
В этот я лес прибежал и сам себе смерть уготовил.
Эту вину мне прости, но если в другом я повинен,
130 Казни предай поскорей, ты — царь из всех наивысший;
Только мне жизнь сохрани до того, как мессу отслужат.
Срок этот Генрих король повелел давать осужденным.
Сказано в отчих заветах: за каждый проступок монахи
Кару несут: за малый — полегче, за тяжкий — суровей».

Молвит хозяин пещеры: «Удрать ты надеешься, жалкий!
Срок, что ты просишь, я дам, если это богу угодно.
Но приказ мой послушай: храни спокойствие духа,
Взором веселым гляди, поцелуй подари мне, как другу».

Теленок:

«Другом зачем притворился и манишь лживым приветом?»

Волк:

140 «Голод свой утоли и займи за трапезой место.
Но не проси у меня особо изысканной пищи,
Той, что из грязных котлов подается с пылу да с жару;
Лишь на столах богачей ты подобные кушанья встретишь.

Будь умерен в еде и питайся сухою листвою,
Кушанья плотные вредны, они приносят болезни.
Есть у меня здесь латук, и редька, и разные зерна.
Мозг здоров у того, кто уксусом жажду смиряет.
Мозг больной порождает всегда безумство и ярость,
Власть над собой сохранишь, если пуст и легок желудок.
150 Скоро ежик вернется с тяжелой грудю яблок,
Выдра, искусный рыбак, мне рыбки достать побежала.
Слезы утри! королям затяни ты хвалебную песню.
Зря ты молишь богов: обречен ты подземному миру,
Жертвою станешь Плутона,— а он беспощаден, ты знаешь.—
Нынче ж, пока удается, блаженствуй и радуйся жизни».

Вот ложится теленок и пробует все, что подносят,
Ест он, что твердо, что мягко, и все, что влажно, что сухо,
Корм холодный иль теплый, господскую ль, рабскую ль пищу.
Волк, подвязавши передник, спешит подавать угощенье,
160 Повара службу несет, свою должность правит усердно,
Кончен ужин обильный: объедков осталось немало,
В угол волк их относит и накрепко прячет в корзины.

Ночь пробежала уже половину небесного свода;
Этой порой возвратились прислужники волка, припасов
Разных с собой принесли: окуней различного рода,
Камбалы плоской и гибких угрей, толстолобиков жирных,
Мелких речных пескарей, каракатиц черных и раков,
Краснобородок, стерлядок, сельдей, осетров и форелей,
Был здесь и вкусный лосось, питомец рейнских затонов,
170 Не было также нехватки ни в рыбных богатствах Рабада,
Ни в многочисленных рыбах, живущих в глубинах Мозеллы;
Корюшек стая была, населяющих горные речки,
Тех, что своим плавником чешую любую пронзают.
Все это выдра достала, прислужник любимый и кроткий.
Пищу другую добыл покрытый иглами ежик:
Пряности, перец сухой, семена снотворного мака,
Листья капусты, порей и остро-жгучую редьку,
Нежный сладкий каштан, украшение господских пирушек,
Разных деревьев плоды, айву и крустумские фрукты.
180 Волк с благодарностью принял весь этот запас принесенный,
Все уселись за стол; и вот что промолвил «наставник»:
«Семь уж лет истекло и год восьмой на исходе
С дня, как плодами земли и рыбой я начал питаться;
Все покупал я на рынке и тем же гостей угощал я,
Жил по-монашески я, соблюдая устав монастырский,
Дорого стоило это, и средства мои истощились;
Вам благодарен душой — вы помощью верной мне были;
Тяжко гнетет меня старость, я вам оставляю наследство:
Ежику — скалы, а выдре — богатую рыбами реку».

190 С нежной улыбкой они ему гладили шею и морду.
Вдруг, заметив меня, сейчас же воскликнули оба:
«Диву даемся: кто он? Что делает в нашей пещере?»

В о л к:

«Хлев свой он бросил и вот — в пещере теперь очутился.
Что-то не спится ему: я его держу под надзором,
Но, оставляя его в живых, я закон нарушаю:
Слишком его полюбил, незаконное дело творю я;
Завтра, однако, послужит он мне, как ему подобает;
Кровью наполнит он чашу, язык мой иссохший омочит,
199 Грудь мне очистит от слизи, — она мешает дыханью.

Кашель сухой — от бобов — пусть считает осел благозвучным,
280 С пищи такой пусть свинья своим хрюканьем грубым гордится,
Я ж из-за этой еды все силы тела утратил,
Даже на землю ступить не могу моей лапою нежной,
Весь я исчах и иссох от пищи, мне непривычной.
(Варвары-франки пускай эти зерна в стручках поглощают!)
Что за прибыль от них? Куда лучше прежний порядок!
К старым я нравам вернусь, возвращусь я к прежнему быту:
Мясо вновь буду жрать и ко всем обращаюсь с советом;
Свежее мясо тельца вкуснее, чем чахлые рыбки!
Сил я опять наберусь и здоровья от жирного сока,
290 Вновь заиграет румянец на морде моей побледневшей;
Вкус привлекает, манит аромат, и безмерна услада!
Средства я все применю, чтобы грудь излечилась больная».

В ы д р а:

«Ах, беззаконье ликует, закон попирая и правду».

В о л к:

«Брось свои старые штучки, у них уже выпали зубы.
Сам я себе господин и не дам над собой издеваться».

В ы д р а:

«Если есть разум в тебе, придержи язык за зубами:
Будь своей долей доволен, отцов соблюдая заветы.
Целых семь лет истекло, как избрал ты устав воздержанья,
Чрево свое отучил от вкушения мяса любого,
300 Всем соблазнам стола предпочел ты рыбную пищу,
Трапезу часто свою украшая нежной форелью.
Ныне ж тельца поглотил, устав святой нарушая;
Как же могу я молчать и не лить мои слезы потоком?
Много обрушится бед, и бедою ты будешь проучен.
Ты лишь по званью монах, но стезю ты прямую покинул, —
Ты преступленье замыслил, устав отвергая священный.
Кроткого видя малютку, простишь с безумною злобой.
Бодрствовать должен монах — он обетом скован великим —
И наставленья устава оправдывать словом и делом.

³¹⁰ Пусть ничего он «своим» не зовет, пусть все будет общим,
Братьям пусть бед не чинит, каких себе не желает.
Если не так ты живешь, окончишь жизнь, как преступник,
И, как разбойник, ты будешь казнен по канонам церковным».
Умная выдра умолкла, сказавши ни много, ни мало.

В о л к:

«Тем, кто на ухо туг, об этом всем им поведай!
Хвостик теленка меж тем закушу бедром я ослиным.
Мать мне природа велела питаться так, не иначе».

В ы д р а:

«Должен монаха язык вести лишь разумные речи»

В о л к:

«Если со мной хочешь дело иметь, обуздай свою дерзость».

В ы д р а:

³²⁰ «Время тратит напрасно, кто мокрую клеит посуду;
Если ж посуда грязна, то все, что кладешь в нее, скиснет».

Новый день наступил, счастливый и самый желанный.
Только лишь солнца лучи разогнали покровы ночные,
Сторож стада с рожком обошел хлева и овчарни,
Кличет питомцев своих, проверяет, все ли на месте,
Чтоб не погиб ни один из тех, кто ему препоручен.
Слышит — корова мычит и бык ревет разъяренный,
Ищут по стойлам они своего пропавшего сына.

³³⁰ К ним подбегает собачка — она из породы Вогезской,
Дебри лесов ей знакомы — и верную весть им приносит.

«Думаю я, что могу вас порадовать, горем сраженных;
В Библии есть в «Бытии» такие слова про Исава:
«Был он метким стрелком, носил колчан нагруженный,
Рог при себе он имел и лук натягивал ловко,
Слева носил на боку охотничью сумку большую».

Он-то меня воспитал и водил за собой по трущобам,
После же смерти его я у вас приютилась, бедняжка.

То, что пришлось увидеть и услышать, меня испугало.

³⁴⁰ Есть здесь пещера в горах, а в ней — добычи без счета,
Я вчера на закате — уже от лая охрипши —

Вдруг слышала шум... барсука поймать я старалась.
Если пещеру обыщем, вернем пропажу мы в стойло».

Гости чуждой слова прослушали все со вниманьем;
Славно собачка ведет их, не хуже, чем целая свора,
В ногу со всеми бежит, обогнать никого не стараясь,
Прямо приводит туда, куда она обещала.

Конный отряд выступает, за ним шагает пехота,—

Счетом больше она, но доблестью меньше и честью;

Опыта мало у ней, неуклюжа, но к битве готова.

350 Ростом огромный и силой своей равный целому стаду,
Бык разжигает их пыл, потрясает их яростным ревом,
Гул идет по земле, словно рушится все мирозданье.

Волк, пробужденный внезапно, вином и сном одурманен,
Слуг призывает к себе, от ратного дела отвыкших,
Храбрости ждет он от них, приученных только к безделью.
Волк влезает на вышку, чтобы лучше к врагам приглядеться,
Вид их в ужас ввергает его; отдышавшись, он молвит:
«Храбрые слуги мои, вы врагов моих видите гневных;
Злоба во всех них одна, не у всех у них равная доблесть.
360 Жаждают нас погубить, никого в живых не оставить.
Как вы поможете мне побороть разъяренное войско?
Не в рукопашном бою, не в стрельбе из лука — их сила,
Нет для метанья камней у них ни пращей, ни снарядов,
Я в их отрядах не вижу пернатых, коварных и злобных, —
Волк ведь копытом не бьет, а бык не может кусаться.
Лишь бы рогатый олень иль клыкастый кабан не явились!
Очень уж тяжело сражаться с клыками иль с рогом ветвистым.
Если осадят пещеру, тарану она не уступит,
Трудно найти в нее вход, не проскочит и крошка-мышонок.
370 Может, боюсь, только лис разрушить крепление камня;
Если не сможет один, позовет друзей он на помощь;
Он и вся шайка его моей лишь погибели ищут,
Это, наверное, он и всю эту свару затеял.
Там, где сил не хватает, всегда господствуют козни;
Пусть же лису на гибель коварство его обратится!»
Оба, однако, слуги, ничуть не поддавшись испугу,
К волку открыто вопрос обращают и просят ответа:
«Мы не свершали вовек беззаконий; в деяньях преступных
Мы не имели участия, нас кара не может коснуться. —
380 Нас ни один из этих врагов обвинить не посмеет
В братской крови пролитье, в убийстве сородичей гнусном.
Мы в беспорочном безбрачье всю жизнь провести собирались;
Благодаренье всегда всемогущему Богу возносим,
Давшему всем нам закон, положившему грани дерзаньям.
Много ты дать нам не мог, но ты договора держался,
Клятву ты нам приносил; истек уже срок семилетний
С дня, как союз наш скреплен; а теперь нашей смерти ты хо-
чешь?»
Это ль награда за службу, что ты нас на смерть обрекаешь?
Что за причина, скажи, что испуган ты лиса коварством?
390 И почему ты дрожишь пред ударами этого войска?
Вот, что узнать мы хотим, — где больное скрывается место?»

[Волк в ответ рассказывает длинную историю (ст. 392—1096) о том, как его дед оклеветал лиса перед королем-львом и лис был бы повешен, если бы не сумел оправдаться; лис же не только оправдался, но и отомстил волку, убедив больного льва, что ему для выздоровления надо завернуться в свежую

шкуру, содранную с волка; после выздоровления льва лис выпросил себе во владенье ту пещеру, в которой теперь опять живет волк; каким образом волк снова завладел пещерой, не упоминается, но лис сохраняет на нее законное право и ждет случая, чтобы выгнать из нее волка.

Этот случай представляется теперь, когда волк совершил новое преступление, заманив теленка. Выслушав эту историю, выдра опять напрасно убеждает волка выпустить теленка; волк отказывается.]

В ы д р а:

«Ты хорошо поступил, что нам подробно поведал
1100 Все, что так долго скрывал; теперь вся тайна раскрыта.
Войско, быть может, помедлит, и это нам будет на пользу.
Я, под защитой святых, взгляну, что оно замышляет».

Выдра влезает на холм, лежащий рядом с утесом,
Видит сейчас же, что лис королевскую грамоту держит:
Все подписались под ней, кто жил в ту прежнюю пору.
Войско храбро идет и голосом громким взывает:
«Пусть не решится никто преступить приказ королевский!
Птицы того расклюют, кто его веленья нарушит.
Тот, что другого клеймит клеветой, не получит награды.
1110 Хочет он ложью прожить и намеки лукавые сеет.
С тыла тайком он кусает врага, повадкою волчьей,
Мысли скрывая свои, извращает он право и правду.
Он — рыболовный крючок, ядовитой насадкой снабженный,
Он смертоносный напиток дает, обещая лекарство.
Козни, что сам он затеял, ему же погибелью станут,
Что беззаконно возникло, пускай беззаконно погибнет.
Кто упорствует в лжи, пусть пищей воронам станет.
Всех подручных его в цепях отправят в Илерду,
Все же владенья его немедля вернутся к владельцу».
1120 Слышала выдра, какое решение принято было.
Страшных угроз испугавшись, охвачена страхом безумным,
Все, что увидеть пришлось, по порядку поведала волку
И убеждала его отпустить теленка на волю.

В о л к:

«Нет, я людей не боюсь и ничуть не дрожу перед лисом».

В ы д р а:

«Ты презираешь совет, а меч уже к горлу приставлен.
Скоро и приговор смертный тебе придется услышать.
Будут и те казнены, кто вместе с тобой попадетя.
Помощи просишь: ее искать надо в мирное время,
Ты же не хочешь понять и не веришь тому, кто умнее.
1130 Волю и нравы сильнейших владык ни во что ты не ставишь,
Честью было б тебе у них заслужить благосклонность;
Ныне ж захваченный замок они возвращают владельцу:
Верь, из пещеры никто не спасется, ни сильный, ни слабый».

Выдра, послушник робкий, с холма вершины скатилась;
В страхе пред силой врага осажденный покинула замок,
Жизнь спасая свою, на дно речное нырнула.
Ежик, напротив, привык обитать в хоромах просторных,
Нынче ж ему довелось в скалистой щели укрыться.
Крепость атакой взята, торжествуяще лает собачка,
1140 Войско врывается в замок, досель не поддавшийся франкам.

Л и с:

«Здесь он, и больше нигде! Здесь скрывается тот, кого ищем.
Вот он, дядюшка мой! Как дела, любезнейший родич?
Вижу — цела голова и почтенной блестит сединою.
Как ты красив! И лицо, и бедро, и зубы, и лапы!
От головы и до пят так и светишься весь белизною.
Славного отпрыск отца, воспитанный с сердцем невинным,
Видно, что ты возрастал в семье богатой и знатной,
Верно, и Конраду ты посреди королей не уступишь.
Знатностью всех превосходишь, кто предками может похвастать.
1150 Ты и в науках силен, возвеличен безмерным почетом.
Кто б тебя мог обвинить в чем-нибудь, в чем меня обвиняют?
Можно ль тебе быть угодным? Добром ты на зло отвечаешь.
Отче, выйди ко мне! Пускай же все подивятся,
Сколь величавы все члены, сколь тело твое благородно!
Если в словах моих ложь, пусть мне голову грязью обмажут!»

Лиса льстивая речь затуманила голову волку.

Бедный же узник — меча острие его пощадило,—
Выждав, чтоб волк отодвинуть решил дверную щеколду,
Выпрыгнул быстро на волю; отца и мать разыскавши,
1160 Сладкое вымя сосет и к матери радостно жметя.
Это — ясный пример, что правдива, как свет, поговорка:
«Лук пусть натянут, но в цель стрела не всегда попадает».
Волка бык пригвоздил к стволу высокого дуба.
Лис эту казнь поощрил, обе лапы вниз опустивши,
Надпись надгробную тут же составил разбойнику злому:
«Вот, что Писанье гласит, и видим мы это на деле:
«Горе тебе! если грабишь других, сам будешь ограблен.
Смерть готовит себе, кто возлюбит искусство коварства,
Радостей тот не пожнет, кто вступил на путь беззаконья.
1170 Взглянет пускай на тебя, кто жить замыслит неправдой!»
Вот что лис произнес, вступая в наследье отцово.

Мать, возвращаясь с теленком, его расспрашивать стала:
1200 «Что ж не расскажешь, сынок, что делал хозяин жестокий?»

Т е л е н о к:

«Милая мать, ты гретишь, вспоминая минувшие беды.
Вспомнить противно кощунство, что видел я в этой пещере.
Если я больше скажу, то это вас всех опечалит.

Сладостна скромная речь, утомляет рассказ многословный.
Грустно мне было, что вы за мной так поздно явились,
Впрочем, целую ночь я провел не так уж печально:
Был там приятель и друг, со мною плакавший горько,
Волка просил за меня он, потоки слез проливая.
«Выдрой смешною» его называют — известное имя.
1210 Плещется вечно в реках он, наследник рыбных затонов.
Грусть мою он утешал, отирать мои слезы старался,
Зябкого друга от стужи ночной согревал возле печи.
Даже и в этой беде нам все же вздремнуть удавалось,
Вакха дарами меня угощал он и ласковой речью.
Ну, а ежа-хитреца, одного из прислужников многих,
Ирод-злодей наставлял, как готовить мясо телячье.
Он говорил, что я буду пасхальным праздничным блюдом,
Съест он меня целиком, не даст на кусочки разрезать.
Меч двуострый уже к моему он горлу приставил,
1220 Жаждал меня, бедняка, растерзать кровожадною пастью.
Господу слава! Меня от зубов он волчьих избавил,
Я невредимым вернулся в объятия матери милой».

Благословенно вовеки святое имя Христово!
Тысячу с сотней стихов я сложил, да еще семь десятков.
Долог был труд, и теперь дозволено сном насладиться.
Надо поистине мне одуматься, бросить забавы,
Пеньем псалмов заменить пора уже легкие шутки.
Голод терзает меня, и зубам надо дать поработать.
Кончу я повесть мою, не прибавлю к ней больше ни слова.